

Методология. СВОБОДА ВЫБОРА И ПРОЦЕДУРНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Автор: О. САВЕЛЬЗОН

Расширение и углубление представлений о феномене свободы (в социальном значении термина) ставят задачу их систематизации и формализации, позволяющих оперировать с данным понятием. Например, хотя бы ориентировочно сравнивать уровни свободы выбора различных индивидуумов или социумов и обоснованно предлагать какие-то средства их повышения. Цель искомой формализации, опирающейся на идею процедурной рациональности при принятии решений, состоит в построении модели свободы выбора, на базе которой строится моя историософская гипотеза общественного развития.

Свобода: позитивная и негативная, внутренняя и внешняя

Современное социопсихологическое понимание свободы во многом восходит к трудам Э. Фромма, в частности показавшего, что в условиях возросшей свободы выбора при неопределенности будущего "структура современного общества воздействует на человека одновременно в двух направлениях: он все более независим, уверен в себе, критичен, но и все более одинок, изолирован и запуган". С первым направлением связано понятие "позитивной" свободы, со вторым - ситуация, когда "индивид оказывается "свободным" в негативном смысле, то есть одиноким и стоящим перед лицом чуждого и враждебного мира". По мнению Фромма, "люди не могут без конца владеть бременем "свободы от"", не говоря о том, что "если они не в состоянии перейти от свободы негативной к свободе позитивной, они стараются избавиться от свободы вообще". При демократии главный путь "бегства от свободы" - "автоматизирующий конформизм", выражающийся в том, что свободный человек на самом деле живет чужими, внушенными ему обществом стереотипными мыслями, чувствами и желаниями. Вследствие чего "индивид превращается в робота, теряет себя, но при этом убежден, что он свободен и подвластен лишь собственной воле".

Фромм также указал на необходимость переосмысления понятия "свободы", поскольку при демократии ее "врагами становятся не столько разного рода внешние препоны, сколько внутренние факторы, блокирующие полную реализацию свободы личности". Действительно, последняя определяется не только внешними моментами - главным образом, возможностями и ограничениями, которые детерминируются социально-политическими и экономическими условиями в обществе и конкретными обстоятельствами жизни человека, но и внутренними, выражающими то, насколько индивидуум

Савельзон Олег - доктор философии, профессор Высшей школы технологии - Институт Лев, Иерусалим (Израиль).

"незапрограммирован", способен самостоятельно принимать фундаментальные решения. Таким образом, внутренние факторы в основном проявляются в том, как человек действует в пределах имеющихся у него возможностей и ограничений - внешних факторов свободы [Fromm, 1941].

С развитием в XX в. информационных технологий на внутренний мир человека все более и более массированно воздействует коммерческая реклама, политическая пропаганда, агитация различных обществ и организаций, подталкивающие людей к решению купить, проголосовать, стать членами или клиентами и пр. Естественно, чем меньше человек подчиняется такому воздействию, тем меньше он превращается во фроммовского "автоматизированного робота" с "запрограммированным" поведением и тем более он свободен¹. Однако в последние годы манипулирование людьми, не ограничиваясь рамками направляемого на них потока информации, идет также за счет использования двух более утонченных способов.

Первый из них - процедурное манипулирование, состоит в том, что процедуры принятия решений² превращаются для участвующих в них рядовых граждан в фикцию. Выгодный манипуляторам результат закладывается на начальных стадиях процесса, закрытых для "непосвященных": его рядовым участникам, по существу, отведена роль статистов, легитимизирующих заготовку на фазе собственно выбора. Иначе говоря, принятие решения редуцируется для рядовых людей до одобрения/неодобрения предлагаемой им схемы или же навязывания антиномического выбора между плохим и очень плохим вариантом. В таких условиях само использование термина *свобода выбора* дезориентирует, поскольку внимание фокусируется только на последней его фазе - принятии решений. И в результате человек, участвуя лишь в ней, не считает, что его свободу на самом деле ограничили, не допустив к фазе их выработки, когда они собственно формируются. Другими словами, приняв во внимание процедурный аспект, приходится признать, что категория *свобода выбора* в наши дни менее релевантна, чем противоположная ей *манипулятивность выбора*.

Второй современный способ манипулирования - регламентирование поведения людей посредством специально стимулируемых потоков событий. Появилась даже особая сфера профессиональной деятельности - управление кризисами. Кризис-менеджеры при помощи инспирируемых ими самими обстоятельств формируют нужные для них поведенческие реакции людей с интуитивным стилем принятия решений, который способствует стереотипному, реагирующему, а значит, предсказуемому и поддающемуся программированию образу действия.

Следует отметить, что интуитивно, рабски реагировать на текущие жизненные вызовы значительно легче, чем продумывать каждый шаг, а тем более - мыслить стратегически. К тому же, если интуитивный механизм принятия решений адекватно перерабатывает богатый жизненный опыт, то он оказывается достаточно эффективен в той среде, где этот опыт накоплен (конечно, при условии, что данная среда не меняется кардинально). Поэтому интуитивизм при принятии решений или его вариант - интуитивно-аналитический механизм их выработки, превалирует среди подавляющего большинства людей. Куда реже встречается человек, принимающий решения преимущественно аналитически (о таком обычно говорят, что он продумывает каждый свой шаг), и совсем редко - индивид, который вообще не находится в "рабстве" у потока жизненных обстоятельств. Мысля стратегически, он отвечает только на самые насущные из них, и его поведение не реагирующее, а стратегическое - такой человек самостоятельно, сознательно генерирует поток событий.

¹ Базой такой "запрограммированности", как следует из работ А. Тверски, Д. Канемана и М. Мински, выступают стереотипно-интуитивное принятие решений [Tversky, Kahneman, 1974; Minsky, 1974], а также отклонения от рациональности в принятии решений [Savelzon, 2000].

² Под процедурой принятия решений подразумевается весь процесс от начала рассмотрения проблемы до окончательного определения решения, готового к реализации. Рациональным считается решение, процедура принятия которого осуществлялась грамотно.

Стратегическое поведение можно стимулировать, например, посредством рациональных процедур, разработанных А. Лакейном, которые помогают человеку обрести рациональный контроль над его жизнью и временем, означающий свободу [Lakein, 1973]. Ныне в такое чисто персонифицированное видение данного предмета включается социополитическое понимание феномена свободы, трактуемое как свобода выбора, определяемая независимостью от постороннего вмешательства. Основы подобного толкования восходят к работам И. Берлина, разграничившего две ее области - негативную и позитивную, вкладывая, однако, в эти понятия смысл, отличающийся от фроммовского. Негативная свобода в концепции Берлина соответствует традиционному пониманию свободы и представляет "область, в которой человек может действовать без препятствий со стороны других". Позитивной же называется свобода человека "рационально управлять самим собой". Берлин не только отделил позитивную свободу от негативной, но и установил их приоритетность, расценив последнюю как более значимую, чем позитивная [Berlin, 1991].

В дальнейшем жесткая берлиновская дихотомия была несколько сглажена рассмотрением позитивной и негативной свободы не как отдельных, различающихся по важности феноменов, а как двух взаимосвязанных и одинаково значимых сторон одного явления [Miller, 1991; MacCallum, 1991]. Кроме того, в политологии утвердилось расширенное толкование свободы, связывающее ее как с внешним фактором - отсутствием доминирования, так и с фактором внутреннего характера - позитивной способностью к самореализации и самоопределению [Goodin, Klingemann, 1996]. Ясно, что и на тот, и на другой фактор влияет экономическое положение человека, от которого зависят возможности, власть, влияние, способность реально преследовать определенные цели. Поэтому в данной трактовке свобода увязывается еще и с ограничениями степени классового неравенства [Cohen, Rogers, 1983; Green, 1985; Cunningham, 1987].

Следует, наконец, отметить, что свобода и ее важнейший аспект - свобода выбора - многоуровневое понятие. На социальном уровне данная категория в свою очередь разветвляется на несколько общепринятых значений, в каждом из которых она выступает лишь в качестве характеристики какого-то состояния: положения в стране, положения человека. На других уровнях (профессиональном, деловом и т.п.) понятие свободы может использоваться еще и для характеристики деятельности, например, говорят о свободе использования изобразительных средств художником, о свободе обращения с мячом игроком в футбол, о свободе владения языком переводчиком. Здесь слово "свобода" означает не что иное, как высокое качество деятельности (художественной, игровой, переводческой).

Возникшие в последние десятилетия различные толкования свободы в общественном смысле отражают усложнение данного феномена. Это ставит задачу выработки функциональной его модели, которая позволяла бы сравнивать (хотя бы ориентировочно) уровни свободы различных индивидуумов или обществ, прогнозировать их развитие и обоснованно предлагать какие-то средства повышения возможностей выбора. В подобной модели довольно просто выразить внешние факторы свободы, передающие только соответствующие аспекты состояния. Гораздо сложнее обстоит дело с внутренними факторами, которые, помимо смысла состояния, несут в себе еще и смысл деятельности. Ибо трудно определить, в какой характеристике, синтезирующей эти два смысла, отражено, является ли индивидуум субъектом, которым манипулируют извне, или нет. Использовать, следуя Фромму, в качестве индикатора свободы спонтанность поведения непродуктивно, поскольку не совсем ясно, как судить о ее наличии или отсутствии³. Поэтому, на мой взгляд, ключ к определению истинной характеристики - упоминавшаяся уже неоднократно **рациональность принятия решений**.

³ По мнению Фромма, и внешние, и внутренние факторы свободы - характеристики состояния индивида. Однако в отличие от первых, определяемых положением в стране и обществе, вторые скрыты, а значит, плохо поддаются описанию. Каковы эти факторы, можно косвенно определить по спонтанной деятельности человека, в которой и можно найти их явные проявления.

О процессах принятия решений

Коль скоро говорить о свободе выбора как таковой в современных условиях не вполне корректно, вести о ней речь целесообразнее, рассматривая выбор в контексте всего процесса принятия решений - как завершающую фазу последнего. То есть свободу выбора следует считать лишь компонентом указанного процесса. Как говорилось выше, процессы принятия решений бывают либо интуитивными, либо аналитическими, либо интуитивно-аналитическими. Интуитивное принятие решений, вообще не имеющее отношения к упомянутой процедуре, является нерациональным (хотя в каких-то случаях может давать хорошие результаты). Аналитическое принятие решений, наоборот, целиком воплощается в той или иной четко выраженной процедуре, состоящей из компонентов анализа, генерирования идей, расчета и логического вывода. При этом вовсе не обязательно, что процедура построена правильно, анализ глубокий, генерирование идей эффективное, расчет точный, а выводы разумные. Следовательно, аналитический процесс принятия решений низкого качества также может оказаться нерациональным. В процессах последнего, третьего типа присутствуют и аналитические компоненты, как-то выраженные процедурно, и интуитивные шаги, не имеющие процедурного выражения. **Решение тем рациональнее, чем оно, с одной стороны, в большей степени аналитическое и в меньшей степени интуитивное, а с другой - получено при более высоком качестве построения процедуры и составляющих ее компонентов анализа, логического вывода и расчета.**

В когнитивной психологии Тверски и Канеманом были выдвинуты весомые аргументы в пользу того, что интуитивное принятие индивидуумом решений в условиях неопределенности будущего базируется на *эвристиках*. Это особые неосознаваемые мыслительные механизмы переработки информации, действующие на основе того, что принято попросту называть жизненным опытом. Тверски и Канеман выявили две эвристики - "представительство" и "пригодность". Согласно их теории, память человека хранит нечто вроде "библиотеки" знакомых ему проблемных ситуаций - либо известных по собственному опыту, либо увиденных в жизни других людей. В этой "библиотеке" ситуации как бы распределены на классы, в каждый из которых входят похожие проблемы. В памяти хранится также "набор" знакомых моделей поведения. Когда человек сталкивается с не встречавшейся до того проблемной ситуацией, эвристика "представительство" распознает ее как представителя одного из классов знакомых ситуаций. Далее, эвристика "пригодность" выбирает из "набора" знакомых моделей поведения наиболее пригодную для решения проблем данного класса модель. Это и есть решение, которое, как говорится, подсказывает интуиция [Kahneman, Tversky, 1972].

Несколько отличается от вышерассмотренной теории концептуальное описание функционирования интуиции, предложенное специалистом в области искусственного интеллекта Мински. Им введено понятие *фреймы*, при помощи которых в человеческой памяти хранится знание о жизненных ситуациях, построенное на представлении о том, как действовать в той или иной из них. Это представление включено во фреймы в той же форме, что и образы самой ситуации и ее элементов. При восприятии и распознавании возникшей жизненной ситуации происходит активизация соответствующего фрейма (или группы фреймов), вызывающая совершение того или иного стереотипного действия. В активной личностной памяти происходит образование фреймов, их слияние, включение во фреймы более высокого уровня и, в конечном счете, встраивание в единый головной фрейм. Эта иерархическая система и определяет в основном структуру памяти и личностные особенности человека. Его жизненный опыт, представления, стереотипы поведения и т.п. встраиваются в виде данной системы [Minsky, 1974]⁴.

⁴ Подчеркну, что речь идет об интуитивных механизмах выработки решений рутинных проблем в ситуации, когда: 1) средства достижения требуемых целей можно найти среди существующих приемов и методов действий; 2) при отсутствии полностью пригодных приемов и методов есть все же такие, которые можно приспособить для получения результатов. Вероятно, совершенно по-другому работает интуиция в сугубо творческих проблемах, редким даром решать их обладают личности с особыми способностями. Таких людей ни в коем случае нельзя называть "рабами" стереотипной интуиции.

Понятно, что при столкновении с незнакомой ситуацией, интуитивные механизмы переработки информации (будь то фреймы Мински или эвристики Тверски и Канемана) могут активизироваться не сразу - возможно, человек попытается прояснить для себя ее проблемность. Не исключено, что в процесс принятия решений вплетутся еще какие-то элементы анализа, расчета или логических рассуждений, и он окажется интуитивно-аналитическим - таким, в котором подспудная работа фреймов или эвристик переплетена с теми или иными явными аналитическими операциями. Если интуиция, включенная в этот тип принятия решений, адекватно перерабатывает богатый жизненный опыт, то он будет достаточно эффективен в среде, где данный опыт накоплен (конечно, при условии, что она сама не меняется кардинально).

Эффективность третьего типа принятия решений - аналитического зависит от процедурной рациональности⁵. Обычно рациональная процедура аналитического принятия решения в сложных проблемах состоит из следующих фаз компетентного сбора, продуцирования и обработки сведений:

- уяснения и постановки проблемы;
- генерирования вариантов решения;
- оценки предпочтительности вариантов во всех важных аспектах (если проблемная ситуация реализуется в условиях неопределенности будущего, оценка предваряется прогнозированием последствий принятия каждого из вариантов);
- выбора наиболее предпочтительного варианта решения.

Идея процедурной рациональности была развита выдающимися учеными Г. Саймоном, И. Джэнисом и Л. Манном [Simon, 1976; Janis, Mann, 1977] и др. Она утвердилась в науке о принятии решений, поскольку дает не только эффективный подход к их выработке, но и впервые - **к оценке качества решения до начала его воплощения в жизнь**. По идее высокое качество решения со значительной вероятностью предопределяется **высоким качеством (рациональностью) процедуры его принятия**. Данная идея - воплощение в области принятия решений более общей концепции, давно утвердившейся в сфере производства, менеджмента, а также в точных, естественных и технических науках: высокое качество продукта (изделия, проекта, научного результата) со значительной вероятностью предопределяется высоким технологическим качеством процесса его выработки (производства, проектирования, научного поиска). Ведь решение - это тоже продукт, который вырабатывается в ходе процесса (процедуры) принятия решения.

В процедурной трактовке рациональности предполагается, что в идеале принятие решений должно быть безупречно грамотным, то есть эталонным. Полное соответствие "эталону грамотности" даст стопроцентную рациональность; чем дальше от него, тем ниже рациональность, и наоборот, чем меньше отклонение от эталона, тем она выше. Значит, чтобы измерить степень рациональности, надо принять ее эталонную величину за 100%, затем определить величину отклонения от грамотного осуществления процедуры принятия решения и, фигурально выражаясь, вычесть ее из эталонной.

Обычно каждый индивидуум при решении разных незнакомых ему сложных проблем действует в одной характерной для него манере, называемой индивидуальным стилем принятия решений. В частности, он проявляется в том, что у некоторого человека в различных процессах принятия фундаментальных решений с большой вероятностью повторяются определенные (у каждого свои) отклонения от рациональности.

⁵ Следует обратить особое внимание на то, что термин "рациональность" употребляется в различных областях в очень разных смыслах. Скажем, в обиходной речи его часто используют для обозначения определенной черты характера человека; широко распространено понятие научной рациональности и т.д. Упомянутый термин неоднозначен и в сфере принятия решений. Например, классическими являются понятия ценностной и целевой рациональности, введенные М. Вебером [Weber, 1947]. Дальнейшая спецификация дает рациональность субъективную, ограниченную, удовлетворительную и т.п. В данной работе речь идет о сравнительно новом **процедурном** понимании рациональности при принятии решений.

Поэтому можно говорить не только об измерении рациональности отдельной процедуры принятия решений, но и об измерении рациональности стиля того или иного индивида - путем выявления характерных для него принципиальных отклонений от рациональности, которые, таким образом, выступают как особенность, черта его поведения.

Чтобы детализировать отклонения от рациональности как черту личности, я использую понятия *антирациональности* и *иррациональности*⁶. Первое означает наличие у индивидуума психологических установок, склонностей и ценностных ориентации, препятствующих рациональности его поведения; а второе - отсутствие у него знания и умения, способствующих ее развитию. Ясно, однако, что человек может быть вовлечен в нерациональную процедуру принятия решений и в силу внешних, не зависящих от него обстоятельств. Например, когда он участвует в коллективном принятии решений, процедуры которого заданы *a priori* неадекватными законами, правилами, распоряжениями начальства. Такие навязываемые извне отклонения от рациональности я называю *внерациональностью*, чьи типичные проявления определяются культурой, политической и экономической системами [Savelzon, 1994; 1996; 1998].

Использование данного понятийного аппарата при сравнительном анализе процессов принятия решений у репатриантов в Израиль из Северной Америки и экс-СССР оказалось продуктивным: удалось определить отклонения от рациональности, характерные для российско-советского менталитета. Исследования также позволили установить их связь с соответствующим общекультурным контекстом, но, что важнее - возможность корректировки таких отклонений, если выявить основные детерминанты данной культурной среды, определяющие решения ее носителей⁷. Поэтому важно отметить следующее. Предположение, что процедурное понимание рациональности может быть расширено с отдельной **процедуры** на индивидуальный **стиль** и далее - на саму **культуру** принятия решений⁸, подтверждается данными эмпирических исследований [Savelzon, 2000; Савельзон, 2003^a].

Подобные результаты обнадеживают, указывая на колоссальный неиспользованный резерв развития, имеющийся у России, ибо существуют способы повышения как рациональности культуры принятия решений ее гражданами в целом, так и их индивидуальных стилей. Среди россиян много способных и образованных людей; придание им большей рациональности может стать основой эффективного использования их разбазариваемых ныне творческого и профессионального потенциала, богатейших природных ресурсов страны. И это по идее должно обеспечить быстрый ее прогресс.

Свобода принятия решений

Если перевести расширенное толкование свободы выбора на язык принятия решений и элементарной математики, получится, что в свободу принятия решений включены: со знаком "плюс" возможности и способности индивидуума самому принимать решения в своей жизни и деятельности, а со знаком "минус" - принуждения следовать чужим решениям. Из вышеизложенного следует, что **важнейший компонент свободы принятия решений - процедурная рациональность**. Во-первых, чем более рационален человек, тем в меньшей степени принятие им решений подчинено воздействию обру-

⁶ Термин *нерациональность* я буду употреблять в общем смысле - для обозначения как определенных выше, так и любых других отклонений от рациональности.

⁷ Так, успехи репатриантской "русской" партии (ИБА) на выборах в Кнессет в 1996 г. продемонстрировали, что учет факторов, которые детерминируют решения людей, выросших в российско-советской культуре, позволил построить эффективную предвыборную агитацию и подвести потенциальных избирателей-репатриантов из бывшего СССР к принятию решения голосовать за ИБА.

⁸ Культура принятия решений - это совокупность исторически сложившихся моделей принятия решений (интуитивных, аналитических и отчасти интуитивных, а отчасти аналитических), которые существуют в обществе в качестве потенциального руководства к поведению людей в сфере принятия решений.

Таблица

Компонентный состав категории "индивидуальная свобода принятия решений"

Потенциальная свобода выбора (<i>ПСВ</i>)	Реализуемая свобода выбора (<i>РСВ</i>)	Рациональность принятия решений (<i>РПР</i>)
<i>ПСВ¹</i> , или <i>потенциал решаемых вопросов</i> - совокупность всех существенных вопросов жизни и деятельности, которые человек в состоянии решать по собственной инициативе	<i>РСВ¹</i> , или <i>реально решаемые вопросы</i> - совокупность всех существенных вопросов жизнедеятельности, решением которых человек реально занимается по собственной инициативе	<i>РПР¹</i> , или <i>ментальная рациональность</i> - характеристика, обратная антирациональности
<i>ПСВ²</i> , или <i>потенциал вариантов решений</i> - совокупность всех опций, возможных для человека в качестве вариантов решений всех существенных вопросов его жизни и деятельности	<i>РСВ²</i> , или <i>реальные варианты решений</i> - совокупность всех опций, которые человек реально использует в качестве вариантов решений всех существенных вопросов его жизнедеятельности	<i>РПР²</i> , или <i>методическая рациональность</i> - характеристика, обратная иррациональности
<i>ПСВ³</i> , или <i>свобода от потенциальных принуждений</i> - характеристика, обратная совокупности всех ситуаций, в которых человеку, возможно, придется против своей воли принимать решения или подвергаться воздействию чужих решений	<i>РСВ³</i> , или <i>свобода от реальных принуждений</i> - характеристика, обратная совокупности всех ситуаций, в которых человеку реально приходится против своей воли принимать решения или подвергаться воздействию чужих решений	<i>РПР³</i> , или <i>социальная рациональность</i> - характеристика, обратная внерациональности

шивающихся ныне на людей потоков информации и событий, а также процедурному манипулированию. Во-вторых, рациональность несет в себе как бы синтезированные друг с другом характеристики **деятельности** по принятию решений (понятие, близкое к мастерству деятельности, точнее, ее грамотности) и **состояния** (стилю принятия решений индивидуума или социума). В-третьих, с данным понятием просто оперировать: с одной стороны, о рациональности можно достаточно объективно судить и даже определять ее уровень, с другой - в науке о принятии решений имеются средства повышения рациональности.

Это позволяет построить модель **индивидуальной свободы принятия решений**, которая представляет собой комбинацию трех основных компонентов, в свою очередь состоящих из девяти подкомпонентов (см. табл.).

Первый компонент (*ПСВ*) выражает исключительно внешние факторы индивидуальной свободы, во втором (*РСВ*) присутствуют и внутренние факторы, в третьем же компоненте (*РПР*) первые два подкомпонента *РПР¹* и *РПР²* (ментальная и методическая рациональности) представляют исключительно внутренние факторы свободы, а третий подкомпонент *РПР³* (социальная рациональность) - внешние. Выделение *РСВ* в качестве отдельного компонента объясняется тем, что остальных двух недостаточно для того, чтобы характеризовать весь комплекс внешних и внутренних факторов индивидуальной свободы. Ведь при аналогичных *ПСВ* и *РПР* у одного человека могут быть большая совокупность реально решаемых им вопросов и используемых вариантов решений, чем у другого, а значит, первый более свободен в своих действиях, чем второй. Точно так же на одинаковые *ПСВ* и *РПР* могут по-разному влиять такие качества личности, как лень, скупость, бесстрастность, неприхотливость, амбициозность, неводержанность, скромность и т.п. Это - еще один довод в пользу излишнего, на первый взгляд, компонента *РСВ*.

В социально-политическом смысле одна из отличительных черт общего понятия "индивидуальная свобода принятия решений" - синтез характеристик состояния и дея-

тельности. Потенциальная свобода выбора (*ПСВ*) и реализуемая свобода выбора (*РСВ*) характеризуют положение с принятием решений у человека. Рациональность (*РПП*) в основном определяет то, насколько грамотно осуществляется деятельность по принятию решений. Первые два подкомпонента рациональности: *РПП*¹ и *РПП*² имеют отношение исключительно к деятельности. Подкомпонент *РПП*³, непосредственно касаясь ее в таком аспекте, одновременно опосредованно характеризует и состояние. Социальная рациональность отражает наличие в обществе каких-то писаных или неписаных законов и правил, устанавливающих нерациональные процедуры принятия решений. Законы и правила (атрибут состояния) детерминируют регламентируемые ими процедуры (атрибут деятельности). Следовательно, здесь между состоянием и деятельностью имеется жесткая связь. Поэтому *РПП*³ выступает как характеристика состояния общества, которое в данном контексте не нуждается больше ни в какой дополнительной оценке.

Подкомпоненты *ПСВ*¹ и *ПСВ*² - потенциал решаемых вопросов и потенциал вариантов решений - отражают "позитивную потенциальную свободу принятия решений", то есть те возможности, которые теоретически имеются в распоряжении у индивидуума в сфере принятия решений. Но никто не воплощает в жизнь эти возможности полностью - из-за неумения, нежелания или же незнания, как ими воспользоваться, а часто - как результат "бегства от свободы". Поэтому для того, чтобы охарактеризовать, как реализуются индивидуумом возможности принятия решений, необходим другой, отличный от компонента *ПСВ* (потенциальная свобода выбора), компонент *РСВ* - реализуемая свобода выбора. Его первые два подкомпонента *РСВ*¹ и *РСВ*² реально решаемые вопросы и реальные варианты решений, увязанные, соответственно, с первыми двумя подкомпонентами потенциальной свободы выбора *ПСВ*¹ и *ПСВ*² - отражают "позитивную реализуемую свободу принятия решений".

Третий подкомпонент *ПСВ*³ - свобода от потенциальных принуждений. "Свобода от чего-то" - всегда характеристика, обратная соответствующей "стесненности чем-то". Причем здесь точка отсчета - как раз стесненность, а соответствующая ей свобода - производное от исходного (образованное посредством обращения). Так и подкомпонент *ПСВ*³ - обратно производное от "стесненности потенциальными принуждениями". Принуждение может заключаться либо в том, что человеку навязжут нежелательную для него проблемную ситуацию и, следовательно, заставят принимать решение насильно, либо в том, что ему придется против своей воли подвергаться воздействию чужого решения. Однако некоторым людям порой удастся избежать принятия или воздействия наносящих ему ущерб решений, даже когда это обусловлено законом либо правилами⁹. Поэтому, подобно тому, как характеристики потенциальной свободы принятия решений (*ПСВ*¹ и *ПСВ*²) работают в паре с характеристиками реализуемой свободы принятия решений (*РСВ*¹ и *РСВ*²), характеристика свободы от потенциальных принуждений (*ПСВ*³) нуждается в характеристике свободы от принуждений реальных (*РСВ*³).

Ясно, что реальных принуждений, как правило, меньше, чем потенциальных, и не только из-за того, что кому-то удастся ускользнуть от некоторых из них. Отдельные люди по своей воле подвергают себя воздействию чужих решений, которые потенциально могли бы быть им навязаны. Например, те, кто идет служить в армию добровольно - либо из любви к военной службе, либо из чувства долга. В подобных случаях то, что потенциально выступало как принуждение, реально перестает быть таковым, превращаясь либо в потребность, либо в "осознанную необходимость" (к этому, одному из многих и отнюдь не самому главному элементу моей модели свободы, сводил, по существу, данное понятие марксизм-ленинизм). Таким образом, подкомпонент *РСВ*³

⁹ Так, в России существует обязательная воинская повинность. Но лица, не желающие идти в армию, путем ухищрений предотвращают принятие военкоматом решения об их призыве на военную службу, тем самым избавляя себя от его воздействия.

превосходит подкомпонент PCB^3 на совокупность возможных принуждений - тех, что в реальности удалось избежать, и тех, что стали потребностью или осознанной необходимостью. Иначе говоря, соотношение между двумя первыми подкомпонентами потенциальной свободы выбора (PCB) и реализуемой свободы выбора (PCB) обратное: потенциал решаемых вопросов (PCB^1) превосходит реально решаемые вопросы (PCB^1), а потенциал вариантов решений (PCB^2) превосходит реальные их варианты (PCB^2).

Переходя к обсуждению третьего компонента свободы принятия решений - рациональности (RPP), напомним, что антирациональность и иррациональность, обратно производными от которых являются, соответственно, подкомпоненты RPP^1 (ментальная рациональность) и RPP^2 (методическая рациональность), на индивидуальном уровне представляют характеристику личности, выражающуюся в некоторых особенностях ее стиля принятия решений. Внерациональность с ее обратно производным - подкомпонентом RPP^3 (социальная рациональность) во многом проявляется в рамках процедур коллективного принятия решений. В целом рациональность на общественном уровне - третий компонент рациональной свободы общества, определенный выше как воображаемое усреднение индивидуальных рациональностей всех его членов - означает просто рациональность культуры принятия решений данного социума.

Подытоживая сказанное, постараюсь выразить структуру понятия "индивидуальная свобода принятия решений" посредством простых формул. Потенциал решаемых вопросов "плюс" потенциал вариантов решений ($PCB + PCB^2$) дают позитивную потенциальную свободу принятия решений. Последняя вместе со свободой от потенциальных принуждений (PCB^3) составляет потенциальную свободу выбора, то есть $PCB = (PCB^1 + PCB^2) + PCB^3$. Аналогично реально решаемые вопросы "плюс" реальные варианты решений ($PCB^1 + PCB^2$) дают позитивную реализуемую свободу принятия решений, которая вкупе со свободой от реальных принуждений (PCB^3) составляет реализуемую свободу выбора, то есть $PCB = (PCB^1 + PCB^2) + PCB^3$. Первые два комплексных компонента - потенциальная свобода выбора (PCB) и реализуемая свобода (PCB) - вместе образуют то, что на интуитивном уровне традиционно принято называть свободой выбора. Третий компонент - рациональность (RPP), отражает то, как принимаются решения, иными словами, насколько разумно делается выбор. В итоге: **свобода принятия решений = свобода выбора ($PCB + PCB$) + рациональность (RPP).**

Что же касается понятия "свобода принятия решений обществом", то оно, на мой взгляд, представляет аналогичную комбинацию тех же девяти подкомпонентов индивидуальной свободы принятия решений, но в известном смысле "усредненных" по всем членам социума, поскольку на самом деле индивидуальные подкомпоненты нельзя измерять, суммировать и делить в количественном значении этих понятий. Хотя в каждом из них отчасти содержится количественный смысл, все-таки это характеристики, обладающие в большей степени качественной природой.

Так, было бы довольно просто измерять первый подкомпонент индивидуальной свободы принятия решений - PCB^1 - количеством решаемых вопросов или проблемных ситуаций. Но подобные вещи могут резко отличаться как по существу, так и по значимости. Это видно даже из грубой их классификации на относящиеся к личной сфере, работе и социальной жизни. Причем в той же личной сфере проблемные ситуации возникают на бытовом, межличностном, внутриличностном и иных уровнях (в работе и в социальной жизни они не менее разнообразны). Поэтому, если суммировать все потенциально существенные проблемные ситуации в жизнедеятельности человека, то в итоговую сумму войдут, например, и бытовая проблема приобретения жилья, и какая-то сугубо производственная задача, и вопрос определения партии, за которую предпочтительнее проголосовать на выборах, и еще десятки абсолютно не схожих между собой вопросов личного, рабочего и социального характера. Сумма столь разнородных слагаемых не несет в себе единого смысла, а значит, и не подходит для использования как количественная мера для качественной, в основном, по своей природе характеристики PCB^1 .

В то же время очевидно, что в характеристике "потенциал решаемых вопросов", имеющей главным образом качественное содержание, присутствует количественный аспект. Ясно, что данный потенциал может варьироваться, и в этой связи можно говорить о его мере, не давая последней точного количественного определения, а опираясь лишь на интуитивное понимание ее смысла. Например, *ПСВ*¹ у обыкновенного рабочего в эпоху становления капитализма был меньше, чем в индустриальном и тем более в постиндустриальном обществе. Во-первых, потому, что его положение в социуме на протяжении последних трех-четырех столетий становилось все более свободным и независимым. Во-вторых, обогащение и усложнение человеческого бытия (появление более сложных технологий мирного и военного труда; пополнение знаний человека о природе, обществе и себе; экономический прогресс; образование новых социальных институтов, слоев и групп) обусловили расширение круга доступных для решения вопросов и появление новых сторон в вопросах, уже существовавших.

Аналогичная тенденция возрастания *ПСВ*¹ с переходом общества от одного типа к другому видна и у представителей средних и высших слоев. Однако этот рост вызван главным образом второй из указанных выше причин (первая в данном случае действует гораздо слабее, так как, в отличие от низших, в социальном положении средних и высших классов столь кардинальных изменений не произошло).

Если у представителей всех слоев общества в зависимости от периода его существования одинаково изменялись типичные потенциалы решаемых вопросов, то в данной характеристике отразилось некоторым образом положение не только индивидуума, но и социума. Поэтому *ПСВ*¹ уместно распространить и на общественный уровень. В подобных случаях его качественные по природе характеристики, не поддающиеся должному количественному измерению, обычно усредняют, употребляя данное понятие в переносном смысле. Например, так делают, когда оперируют с комплексным понятием "качество жизни в стране", каждый компонент которого - некое воображаемое усреднение соответствующих индивидуальных жизненных уровней всех граждан.

Таким же образом предлагается поступить и с остальными восемью подкомпонентами категории "индивидуальной свободы принятия решений", легко воспринимаемой, когда она относится к отдельному человеку (то есть используется в индивидуальном ракурсе). Применение данной категории к обществу менее зримо - необходимая для этого операция по воображаемому усреднению индивидуальных свобод выбора всех членов общества выглядит несколько абстрактно. Это, однако, не является серьезным препятствием - понятие "общество свободного выбора" уже давно стало обиходным, и люди не находят ничего неестественного в том, чтобы судить, в какой мере свобода выбора присуща той или иной общности.

История и свобода принятия решений

Предложенная формализация современного представления о свободе может быть положена в основу гипотезы социально-политического развития. Сферой мировоззренческого обоснования подобных гипотез является историософия (философия истории). Современное ее состояние точнее всего передает слово "перепутье": имеются два доминирующих подхода к объяснению хода истории - **линейный и нелинейный**.

Для первого из них характерны два базовых положения: исторический процесс универсален и линейен, а история имеет некий двигатель. У линейности, безусловно, имеется объективная основа: человечество по большому счету одинаково, люди как представители единого рода *Homo sapiens* имеют сходные основополагающие черты. Суть же той или иной линейной концепции определяется тем, какую из этих черт или функций выделяет в человеке социальный автор концепции, абсолютизируя ее и беря за детерминант развития общества.

Достаточно в этой связи вспомнить наиболее известную историософскую линейную концепцию - исторический материализм, предложивший единую для всего мира

модель развития цивилизации через последовательную смену пяти общественно-экономических формаций. Поскольку для К. Маркса и Ф. Энгельса человек был главным образом производителем-потребителем, двигатель прогресса в историческом материализме - стремление производительных сил обрести максимум свободы для своего развития, что и вызывает изменение производственных отношений, этапные вехи которого - смены общественно-экономических формаций.

Если история европейской цивилизации в какой-то мере развивалась примерно так, то, скажем, у афро-азиатских цивилизаций путь был совсем иным. В определенном смысле объяснить подобные несоответствия в рамках линейности попытался Ф. Фукуяма - автор самой популярной современной концепции этого типа. В качестве детерминирующей черты человеческого поведения он выделил "страсть быть признанным в качестве господина", используя для ее наименования термин Платона *тимос*. Поэтому двигатель истории по Фукуяме - стремление общества к состоянию, когда его членам обеспечена максимальная свобода удовлетворения этой страсти, то есть когда у индивидуума в различных сферах общественной и личной жизни, а также трудовой деятельности появляются наибольшие возможности и наименьшие ограничения, чтобы добиться признания и самоутверждения. Так складывается "общество равных возможностей" - аналог современного капитализма, которое постепенно охватывает всю ойкумену. Тогда-то и наступит общий для всех "конец истории" [Fukuyama, 1992].

Второй подход, среди наиболее известных теоретиков которого следует назвать Л. Гумилева, А. Тойнби и С. Хантингтона с его знаменитой концепцией "конфликта цивилизаций", напротив, фокусирует внимание на разветвленности, неоднолинейности исторического прогресса [Гумилев, 1990; Toynbee, 1965; Huntington, 1997]. У этого направления также имеется неоспоримое начало: народы живут в разных природно-климатических условиях, накапливая в ходе биосоциальной эволюции различный опыт. Следовательно, их национальные культуры и даже генотипы, складывавшиеся в разной среде, неодинаковы. Строго говоря, эти различия и абсолютизируются "нелинеаристами", однако плотность взаимосвязи природы и социума не может изменить сущности биосоциальной эволюции человеческого рода, поэтому все цивилизации при всей своей специфике и уникальности в конечном счете формируют единый планетарный социальный "организм". Поэтому-то ни одна из нелинейных теорий не свободна от серьезных ошибок и противоречий.

Итак, легко заметить, что линейная концепция приспособлена для описания общего вектора исторического развития разных культур, но зачастую оказывается негодной для анализа специфических особенностей каждой из них, а нелинейная - наоборот. Каждая из этих теорий выдвигает на первый план какую-то отдельную человеческую черту (функцию), которая не является абсолютom. Тем не менее, на мой взгляд, имеется признак, присущий **абсолютно** всем представителям вида *Homo sapiens* - **рацио** (разум). Именно эта черта-функция - основа моей историософской гипотезы, созвучной представлениям Вебера о рационализации как о магистральном направлении развития человеческого общества [Weber, 1930; 1947].

Если посмотреть, как развивался мир по завершении эпохи великих географических открытий, все больше превращавшийся в единую систему, легко увидеть, что ход исторического процесса в любой цивилизации сопрягался с **возрастанием уровня свободы принятия решений**. Эволюционное развитие в истории каждого народа состояло из перемежающихся длительных или сравнительно непродолжительных периодов застоя или сбалансированного медленного нарастания всех компонентов этой свободы. Длившиеся сотнями или десятками лет отрезки стабильности прерывались кратковременными возмущениями. В них проявлялись случавшиеся время от времени обострения постоянно существующей коллизии между высшими и низшими слоями общества. Уровень свободы первых гораздо выше, чем вторых. "Верхи" заинтересованы в сохранении подобного разрыва, чтобы навязывать выгодные для себя решения "низам", а те стремятся уничтожить или хотя бы сократить разрыв. Если болезненное отношение первых к упомянутому стремлению вторых выливалось в еще большее ущемле-

ние свободы принятия решений "низам", в обществе возникал очередной период реакции. Причем обычно в таких случаях урезались все три выделенные мной ранее компонента свободы принятия решений. Когда же "низам" удавалось совершить "прорыв", он затрагивал только первые два ее компонента: "потенциальную" и "реализуемую свободу выбора" (*ПСВ* и *РСВ*). Их скачкообразное расширение, возникшее в результате бунта, восстания, революции (кровавой или мирной), но не сбалансированное необходимым возрастанием третьего компонента - "рациональности" (*РПП*), приводило к тому или иному варианту социального хаоса: гражданской войне, воле или, как теперь принято говорить, беспределу.

Неудивительно, что итогом большинства социальных катаклизмов было восстановление прежней или похожей конфигурации девяти подкомпонентов свободы принятия решений и дальнейшее продолжение медленного сбалансированного их возрастания. Данная ситуация кардинально менялась лишь тогда, когда имели место серьезные изменения третьего компонента свободы принятия решений (*РПП*). Но это могло происходить только в двух случаях: во-первых, за счет изначально высокого применительно к эпохе уровня рациональности реформ "сверху" (петровская "европеизация" России, модернизация Японии в конце XIX в. или ныне - в Китае). Во-вторых, в контексте преобразований, совершенных одной частью высших слоев общества в борьбе с другой их частью (Реформация, победы буржуа над аристократами в буржуазно-демократических революциях и т.п.).

В последние несколько веков - эпоху существования мира как единой системы - тенденция к постепенному возрастанию указанной свободы четко прослеживается на больших отрезках времени у подавляющего большинства наций. На мой взгляд, это - дополнительное свидетельство того, что на протяжении Новой истории она стала основным "движущим механизмом" социального прогресса. Поскольку свобода выбора - совокупность из девяти подкомпонентов, ее рост может идти по весьма разным траекториям в девятимерном пространстве. У любой нации в известные периоды некоторые подкомпоненты могут оставаться неизменными (а на каком-то историческом отрезке даже убывать), в то время как другие будут расти с той или иной скоростью. Изменение конфигурации девяти подкомпонентов во времени, то есть маршрут исторического процесса, теоретически имеет бесконечное множество вариантов (различных траекторий). У каждой нации этот маршрут, подобно трехмерному изображению реки на крупномасштабном глобусе, показывает вектор течения ее истории. И если продолжить метафору с рекой, на тех или иных отрезках времени такое течение воплощается в "отмелях", "порогах", "омутах", "извивах", "сужениях" и "разливах" - конкретных исторических событиях.

Двигатель истории Нового времени универсален, но не только он определяет исторический путь цивилизации, на который влияют также специфика географического положения, этнические особенности и окружение, собственная предыстория и вмешательства извне, культурное наследие и менталитет. Вместе с техническим прогрессом все это определяет конкретные исторические маршруты существенно отличающихся друг от друга цивилизационных типов, что можно увидеть, сопоставляя, например, Россию и Запад. На мой взгляд, проблема России здесь связана с тем, что ее развитие укладывалось в выделенную еще Г. Федотовым цикличность: "несвобода-воля-несвобода" [Федотов, 1952]. Иначе говоря, специфика российской траектории развития свободы и рациональности при принятии решений состояла как в **отставании, так и в более медленном, чем на Западе, темпе их роста** [Savelzon, 2000].

Итак, гипотеза о стремлении к возрастанию свободы принятия решений как двигателе истории позволяет объяснить и общие, и специфические черты исторических процессов в разных цивилизациях. Из этой гипотезы следует, что когда-нибудь в будущем в каждом цивилизационном типе свобода принятия решений достигнет качественно более высокого уровня, чем тот, на котором она находится в настоящее время в самой рациональной из современных цивилизаций - западной. Именно тогда любое общество станет подлинно рациональным и открытым [Savelzon, 2000; Савельзон, 2003⁶].

Это не значит, что все человеческие общности будут одинаковыми, но они будут схожими в главном: их члены обретут очень высокую степень свободы выбора. Впрочем, подкомпоненты, составляющие данный феномен, реализуясь в полной мере, будут варьироваться в девятимерном пространстве. Причем это относится как к подкомпонентам непосредственно свободы выбора (их различия в некоторых случаях, вероятно, очень значительные у разных обществ *a priori* представляются естественными), так и к подкомпонентам рациональности. Она, несмотря на универсальность лежащей в ее основе логики, очевидно, будет иметь отличающиеся друг от друга во многих частностях конкретные воплощения, определяемые культурно-историческими особенностями обществ. Можно, например, предположить, что рациональность российского открытого общества будет "соборной" и т.п. Если попытаться представить это графически, то получится, что социально-культурные профили разных социумов будут соответствовать различным точкам девятимерного пространства, образуемого свободой принятия решений [Савельзон, 2003⁶]. И я не ожидаю ничего подобного "концу истории" в связи с образованием этой рациональной мировой цивилизации, поскольку она будет открытой, а потому динамичной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумилев Л. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л., 1990.
- Савельзон О. Перспективы России и Израиля в начале XXI века. Тель-Авив, 1998.
- Савельзон О. Культура принятия решений как фактор прогресса России // Вопросы философии. 2003^a. N 10.
- Савельзон О. Развитие открытого общества в России и Израиле как компонент институционального и духовного процесса // Философские исследования. 2003⁶. N 2.
- Федотов Г. Россия и свобода. Новый Град. Нью-Йорк, 1952.
- Berlin I. Two Concepts of Liberty // Miller D. Liberty. Oxford, 1991.
- Cohen J., Rogers J. On Democracy. New York, 1983.
- Cunningham F. Democratic Theory and Socialism. Cambridge, 1987.
- Fromm E. Escape from Freedom. New York, 1941.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York, 1992.
- Huntington S. Clash of Civilizations. New York, 1997.
- Goodin R., Klingemann H. A New Handbook of Political Science. New York, 1996.
- Green P. Retrieving Democracy. Totowa (N.J.), 1985.
- Janis I., Mann L. Decision Making. New York, 1977.
- Kahneman D., Tversky A. Subjective Probability: A Judgment of Representativeness // Cognitive Psychology. 1972. N 3.
- Lakein A. How to Get Control of Your Time and Your Life. New York, 1973.
- MacCallum G. Negative and Positive Freedom // Miller D. Liberty. Oxford, 1991.
- Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. Cambridge, 1974.
- Savelzon O. Essay on Narrowness // Decision-Making and Consultation by Expert Systems: The Analysis of Partly-Ordered Sets by Binary Comparison and Multiple Scaling. Jerusalem, 1994.
- Savelzon O. The Role of Rationality in Soviet and Western Business Decision-Making: A Comparative Study. Jerusalem, 1996.
- Savelzon O. The Russian-Soviet Culture Impact on Procedural Rationality: Decision-Making of Immigrant Businesspeople from the ex-USSR in Israel // Collection of Materials of the International Conference on Personal Absorption. Netanya, 1998.
- Savelzon O. Russia and Israel in the XXI Century. Prospects of Developing Rational Open Society. New York, 2000.
- Simon H. From Substantive to Procedural Rationality // Method and Appraisal in Economics. Cambridge, 1976.
- Toynbee A. A Study of History. New York, 1965.
- Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. N 185.
- Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York, 1930.
- Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947.
- © О. Савельзон, 2005